

ДИСКУССИИ

УДК 159.923.2

Бухвалов Д. В.

УРОКИ ЧТЕНИЯ

Статья представляет собой критический анализ работ В. В. Гуленко.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, квадра, квадральная ценность, пассионарность, постмодернизм, романтизм, соционика, эволюция.

В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, будто бы так называемые законы природы суть объяснения природных явлений.

Л. Витгенштейн, Логико-философский трактат, 6.371

Мне редко когда удавались изящные по стилю вступления, и поэтому работу, посвящённую обзору произведений, в определённой степени касающихся истории и историй, я начну с исторического экскурса. В пору своей соционической юности статьи В. В. Гуленко, которые попадались мне в печатных источниках, внушали мне определённый пиетет перед их автором. Но не все; например, статья «Наставники философствуют» [7] скорее сбивала меня с толку, чем помогла разобраться. Уже тогда я попытался совместить позицию Гуленко, пишущего в русле ортодоксальной соционики, с его более поздними взглядами. В последующие годы я прочитал из работ Гуленко буквально всё, что смог найти в Интернете, но это не сдвинуло меня с мёртвой точки — скорее наоборот, пропасть между ранними и поздними воззрениями Гуленко предстала мне почти что Великим Каньоном. Что в определённый момент и побудило меня подробнее разобраться, в чём же смысл этого явления.

Начинал я эту статью как чисто критическую, однако примерно через год после её написания она подверглась весьма значительной правке, и причиной тому прежде всего определённое изменение моих взглядов на соционику как гуманитарную практику. Следы этих двух этапов ещё можно найти в статье. Первая и более старая её часть написана мной во времена осознания соционики как потенциальной науки, последняя же часть — уже плод моего восприятия соционики как гуманитарной практики, то есть практики, направленной на изменение прежде всего сознания человека, его практикующего [4].

Поэтому я прошу своих читателей простить этой статье некоторую шероховатость стилей и манерность. Все эти недостатки я мог бы исправить в данной редакции статьи, но предпочёл их оставить, дабы мои читатели могли сделать для себя определённые выводы относительно постоянства, изменчивости и соотношения с ТИМом определённых семантических и стилистических паттернов.

«Квадральные ценности»

Разберем по тексту статью В. В. Гуленко «Квадральные ценности» [5].

«Есть еще и третья дихотомия — восходящие/нисходящие. К восходящим квадрам относятся альфа и бета, а к нисходящим — гамма и дельта. По Аушре эта признаковая пара называется веселые/серьезные. У первых бессознательно протекают энергетические процессы, а информационные осознаются. У вторых же внимание направлено на энергетику, а информатика отходит в область бессознательно-автоматического функционирования».

Неясно, что автор подразумевает под «осознанностью» тех или иных процессов, как, собственно, и под терминами «информатика» и «энергетика». Осталось загадкой, что же такое «осознание энергетики».

«Если продолжить биологическую аналогию, то данная дихотомия напоминает разницу между молодостью и старостью. Восходящие квадры, в силу своей психологической «молодости», ориентированы на будущее, а нисходящие — на прошлое. Ведь старе-

ние — это естественный процесс утраты энергии с одновременным накоплением информации».

А здесь автор в очередной раз потерял различие между метафорой и действительностью, связав некое абсолютно неопределённое понятие «психологическая молодость» с молодостью биологической и с соционической моделью. Кроме того, интерпретация биологических процессов применительно к соционике используется автором более чем однобоко.

«Квадры я рассмотрю в порядке убывания их социальной влиятельности».

Совершенно непонятно, каким конкретно методом автор оценивал эту самую влиятельность. Что это за влиятельность? Если влияние на социум, то где указание, какой конкретно тип социума рассматривается, какова модель этого социума, каковы индивидуумы и социальные группы, какими средствами и с какими последствиями влияют на этот совершенно неопределённый социум? И по каким критериям те или иные влияния на социум признаны более весомыми, чем остальные? Таким образом, мы видим, что рассматривается некий совершенно неопределённый социум, в котором кто-то на что-то влияет. И лишь ниже по тексту можно найти некоторые разъяснения на этот счёт:

«Исходя из анализа квадральных ценностей, харизматические лидеры и духовные учителя всегда являются выходцами из беты. Итак, квадра бета, принося личное в жертву общественному, придерживается ориентации на других, то есть на большие группы. Именно в этом смысле ее нужно поставить на первое место как социально самую влиятельную квадра».

Снова тот социум, на который влияют выходцы из бета-квадры, остается загадкой. То ли это традиционное общество, то ли индустриальное, то ли постиндустриальное, — совершенно непонятно. Надо полагать, роль харизматических лидеров в этих типах обществ различна, не говоря уж про то, что придание определяющего значения роли харизматического лидера в истории является более чем спорным с исторической и социологической точки зрения.

«2.1. Социально-экономический аспект ... 2.2. Духовно-психологический аспект».

Здесь находим непонятно откуда взявшееся и совершенно никак не обоснованное деление социальной жизни на эти два аспекта. Причём определения этих аспектов, а также обоснование деления (опять-таки непонятно даже, чего именно) на эти аспекты, в статье отсутствует. Также отсутствует и какой-либо анализ, например, экономических устройств в различных обществах, а вместо анализа и строгих выводов, как обычно — голословные утверждения о связи всего лишь некоторых из всего многообразия форм общественного устройства с теми или иными соционическими моделями. Как, например:

«Для бета-квадры центральных коллективистов характерны общественная (государственная) собственность в соединении с авторитарной властью. Такое сочетание позволяет соединить и долго удерживать под единым управлением крупные территории».

Прежде всего, следовало бы определить, что же такое «огромные территории», и сколько это — «долго», и тогда сразу же можно будет получить список таких государств для проведения тщательного исторического анализа. Но, увы, В. В. Гуленко предпочёл ограничиться неопределённым высказыванием.

Следующая цитата ясно характеризует стиль аргументации автора:

«Квадру бета по праву можно считать квадрой смут и революций. Только она эффективно действует в экстремально-кризисных условиях, не теряя сплоченности и организованности. И английскую, и французскую, и американскую и любую другую революции делала квадра бета и никакая другая. Я пришел к выводу, что относить Дж. Вашингтона, М. Робеспьера, Кромвеля и других «пламенных» революционеров к альфе, — это значит не знать соционики жизни, поведения социотипов в реальной обстановке».

Весьма забавно, не правда ли? Вместо какого-либо анализа жизни и деятельности этих и других исторических персонажей — всего лишь апелляция к некой загадочной «соционике жизни». Кроме того, если принять во внимание другое высказывание из той же статьи:

«Идеологи второй квадры, как вы помните, настаивают на унитарном централизованном государстве».

становится совсем непонятно, каким же образом тогда можно интерпретировать роль Дж. Вашингтона, относимого Гуленко к бета-квадре, в создании федерального государства США.

«Только в этой квадре психологически достоверным выглядит романтизм».

Возникает масса вопросов: Что такое «психологическая достоверность»? Разве критерия «выглядит» достаточно для вынесения сколько-нибудь обоснованного суждения? И уж совсем непонятно, для кого именно выглядит. То есть строгий вывод отсутствует. Кроме того, совсем непонятно, что же подразумевает В. В. Гуленко под словом «романтизм». Если исходить из следующего определения романтизма:

«Романтизм — широкое идейное и художественное направление в западной и русской культуре, охватившее все виды искусства и гуманитарную науку в конце XVIII — начале XX в., как реакция на результаты Великой Французской революции и жесткие рационалистические каноны века Просвещения, молодого буржуазного общества вообще. Отвергая всеобщее торгашество, знаменующее капиталистический «прогресс», романтики противопоставили утилитаризму и обезличиванию индивида устремленность к безграничной свободе, жажду совершенства и обновления, пафос личной и гражданской независимости. Стремясь как бы подняться над прозой бытия, раскрепостить многообразные способности личности, предельно самореализоваться в творчестве, романтики выступали против формализации искусства и прямолинейно-рассудочного к нему подхода, свойственного классицизму. Они проявляли большой интерес к фольклору, демократическим, народным явлениям средневековой и ренессансной культуры, нередко идеализируя их и наследуя из них не столько мрачную сторону, сколько сказочный элемент, дух карнавальная вольности, склонность к гротеску» [15].

то совершенно непонятно, при чём здесь бета-квадра. И не указано, что же замещает место романтизма в бета-квадральных обществах за пределами европейской культуры (частью которой и является романтизм).

«На ее типах строится треугольник персонажей любого романтического произведения (соперничество между двумя мужчинами — одним достойным, а другим нет — за женщину)».

И снова, без какой либо аргументации и фактического обоснования, на примере реальных произведений искусства В. В. Гуленко увязывает действующих лиц «треугольника Карпмана» [18], как с романтизмом, так и с соционикой.

«В хозяйственную жизнь квадра гамма привносит товарно-денежные отношения. Ее родной стихией является свободная рыночная экономика. Под этим многозначным термином в нашем случае следует понимать такие положения:

- ограниченное участие государства в экономике, в частности, обеспечение законности, макроэкономическое регулирование, некоммерческие социальные программы,*
- здоровая конкуренция — без монополизма, мафии, рэкета, давления теневых капиталов и прочих бета-включений, экономика открытого типа, то есть с низкими налогами и низкими импортными пошлинами,*
- свободный рынок труда с мобильной рабочей силой,*
- развитая банковская система, обеспечивающая быстрое перемещение капиталов в более прибыльные отрасли».*

Увы, но единственный образец такой рыночной экономики, вероятно, стоит в парижской палате мер и весов в одном ряду с колбой идеального газа. Кроме того, совершенно непонятно, как же был реализован «свободный рынок труда с мобильной рабочей силой» в рабовладельческих государствах, упомянутых в цитате из книги И. М. Ефимова «Метаполитика: Наш выбор и история» [13], которую В. В. Гуленко приводит в следующем абзаце:

«Вавилон и Тир, Карфаген и Тарент, Афины и Рим, Венеция и Генуя, Новгород и Псков, Соединенные провинции Голландии и Соединенные Штаты Америки — богатство и мощь этих республик неизменно связаны с торжеством принципа неприкосновенности социального я-могу каждого гражданина, то есть частнособственнического принципа».

Продолжим чтение:

«Либерально-прагматическая система ценностей. Характеризуется в первую очередь индивидуализмом. Индивидуализм следует понимать как ориентацию на себя, а не на других. Эгоизм как черта человеческой природы больше не скрывается, а считается нормой. Желание получать прибыль пронизывает все стороны человеческой жизни вплоть до семейных отношений. Отсюда особая роль денег — главного товара, который можно обменять на любой другой товар. Они становятся символом человеческого успеха».

Здесь обнаруживаем однобокое и весьма поверхностное, если не сказать «наивное», понимание роли денег в обществе. Видимо, автор незнаком с другими взглядами на этот счёт, которые являются куда как более проработанными и имеют куда как большее обоснование и научную ценность. Например, теория «символического капитала» французского социолога П. Бурдьё [3]. Но, увы, похоже, весь пласт постмодернистской культуры остался за бортом внимания автора, о чём свидетельствует также следующая цитата:

«Постмодернизм — это широкое философское учение эклектического толка, в основе которого лежит смешение жанров и стирание границ. Постмодернистская эстетика в театре, кино, живописи, литературе как в зеркале отражает избыточно-плюралистическую суть поздней гаммы» [5].

Можно долго спорить на тему, что же такое постмодернизм. Ограничусь лишь приведением сокращённой цитаты из «Словаря современной культуры»:

«ПОСТМОДЕРНИЗМ — основное направление современной философии, искусства и науки. В первую очередь П. отталкивается, естественно, от модернизма (П. и означает — «все, что после модернизма»). Непосредственными предшественниками П. являются постструктурализм и деконструкция как философский метод. Последние два понятия чрезвычайно близки основным установкам П. — постструктурализм и деконструкция «свели историю к философии, а философию к поэтике». Главный объект П. — Текст с большой буквы. Одного из главных лидеров П., Жака Деррида (который, правда, не признает самого термина П.), называют Господин Текст. Различие между П. и постструктурализмом состоит, в первую очередь, в том, что если постструктурализм в своих исходных формах ограничивался сферой философско-литературоведческих интересов (втайне претендуя на большее), то П. уже в 1980-е гг. стал претендовать на выражение общей теоретической надстройки современного искусства, философии, науки, политики, экономики, моды. Вторым отличием П. от предшественников стал отказ от серьезности и всеобщий плюрализм. В том, что касается философии, например, П. готов сотрудничать и с аналитической философией, и с феноменологией, и даже с прагматизмом. Мы имеем, прежде всего, в виду феномен Ричарда Рорти, одного из самых модных философов 1980-х гг., идеология которого сочетала аналитическую философию, прагматизм и П. Здесь, по-видимому, дело в том, что П. явился проводником нового постиндустриального общества, сменившего или, по крайней мере, сменяющего на Западе традиционное буржуазное индустриальное общество. В этом новом обществе самым ценным товаром становится информация, а прежние экономические и политические ценности — власть, деньги, обмен, производство — стали подвергаться деконструкции. В П. господствует всеобщее смешение и насмешливость над всем, одним из его главных принципов стала «культурная опосредованность», или, если говорить кратко, цитата. «Мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны», — как-то обронил С. С. Аверинцев; поэтому каждое слово, даже каждая буква в постмодернистской культуре — это цитата. Вообще рассказывание историй (stories) — одна из главных мифологем П. Так, Фредерик Джеймсон, американский теоретик П., пишет, что даже представители естественных наук физики «рассказывают истории о ядерных частицах». Смысл этого высказывания Джеймсона в общем согласуется с тем, что говорят философы-физики (см. принцип дополнительности) о зависимости эксперимента от экспериментатора и т. п. Современный физик Илья Пригожин и его соавтор Изабелла Стенгерс в совместном эссе «Новый альянс: Метаморфоза науки» пишут: «Среди богатого и разнообразного множества познавательных практик наша наука занимает уникальное положение поэтического прислушивания к миру — в том этимологическом смысле этого понятия, в каком поэт является творцом, — позицию активного, манипулирующего».

*щего и вдумчивого исследования природы, способного поэтому услышать и воспроизвести ее голос» ... П. был первым (и последним) направлением XX в., которое открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее даже, много реальностей, часто вовсе не зависящих друг от друга. Ведь любая история, в соответствии с пониманием П., — это история создания и интерпретации текста. Откуда же тогда взяться реальности? Реальности просто нет. Если угодно, есть различные виртуальные реальности — недаром П. расцвел в эпоху персональных компьютеров, массового видео, Интернета, с помощью которого ныне не только переписываются и проводят научные конференции, но даже занимаются виртуальной любовью. Поскольку реальности больше нет, П. тем самым разрушил самую главную оппозицию классического модернизма — неомифологическую оппозицию между текстом и реальностью, сделав ненужным поиск и, как правило, мучительный поиск границ между ними. Теперь поиск прекращен: реальность окончательно не обнаружена, имеется только текст. Поэтому на место пародии классического модернизма в П. стал пастиччи (от итал. *pasticcio* — опера, составленная из кусков других опер; попури)» [16].*

Как видно, понимание Виктором Гуленко постмодернизма крайне однобоко. Эмоционально нагруженные слова, такие как «эклектический» и «избыточный», не говорят в пользу беспристрастности автора как исследователя. Вероятно, это и послужило причиной ошибочных выводов (по традиции никак не аргументированных) о связи постмодернистской эстетики с ценностями гамма-квадры. Если же провести хотя бы беглую соционическую оценку постмодернизма, то можно прийти к выводу, что постмодернизм как историческое явление заметно шире квадральных рамок, ибо сочетает, с одной стороны, прагматизм («серьезность»), а с другой — всеобщую иронию («веселость»). Кроме того, плюрализм наиболее близок к соционической интуиции возможностей (▲), которая не входит в «ценности» гамма-квадры.

Видимо, благодаря вышеотмеченному не совсем беспристрастному и производящему впечатление поверхностного отношению к постмодернизму, В. В. Гуленко оставил без внимания также и другие теории, описывающие современное общество. Например, совершенно отличную от представлений В. Гуленко модель современного общества предлагает французский социолог Ж. Бодрийар [2].

Несмотря на то, что В. В. Гуленко демонстрирует знание хотя бы основных направлений социологии и социальной философии [10; 11], его работы, особенно там, где дело касается общества, поражают полным отсутствием базовых определений. А именно: что автор подразумевает под словом «общество», что — под словом «прогресс», что — под «социальными инновациями», что такое «классы» в этом загадочном обществе? И т. д.

Исходя из того, что В. Гуленко ни разу не ссылается на результаты тех или иных экспериментов, можно сделать вывод, что основой для его выводов послужили его личные наблюдения и, возможно, случайно попавшие в поле зрения факты. Но, как я уже объяснил выше, этот метод неприемлем для по-настоящему научного описания общества. Он годится разве что для формирования собственной субъективной концепции и субъективной оценки общества. Кроме того, этот метод ещё и неполный, ибо положенные в его основу наблюдения весьма ограничены во времени и пространстве, а именно — наблюдения за современным европейским индустриальным и частично постиндустриальным обществом. В то время как из поля зрения совершенно выпали другие типы обществ, существующие в наше время, например, в Центральной Азии или, скажем, в Латинской Америке [14]. А также обществ, существовавших до настоящего времени. Поэтому, даже если и признать выводы В. Гуленко верными, то верны они будут только для европейского индустриального общества и ни для какого более, в то время как с позиций соционики при помощи модели информационного метаболизма можно описать любого человека из любого общества и любой эпохи, а не только нашего современника-европейца. Поэтому, исходя из отсутствия в работах В. Гуленко каких бы то ни было фактов о других обществах, кроме европейского и американского, начиная с XVIII в., можно сделать вывод, что рассуждения В. Гуленко о квадральных ценностях и центральном обществе являются, по меньшей мере, неполными.

Более всего работы В. В. Гуленко, касающиеся квадральных ценностей, поражают практическим отсутствием фактов или экспериментальных наблюдений, а если таковые и приводятся (в основном это немногочисленные исторические факты, выбранные из всего массива исторических знаний по совершенно загадочному принципу), то без аргументации связи этих фактов с соционической моделью.

«Примеры.

Кризис боярского правления и распространение западноевропейского влияния в XVII в.

— создание Российской империи Петром I

— эпоха дворцовых переворотов

— «золотой» век российского дворянства при Екатерине II.

Распространение идей марксизма в Российской империи

— большевизм и создание советского государства

— перестройка и распад СССР

— ?» [9].

Чаще всего сопоставляются модель соционическая и модели исторические или философские, причем с очевидными натяжками, например:

«Четвертая квадра (дельта) — это ПЕРФЕКТОРЫ, которые доводят первоначальную, но реформированную идею до исчерпания путем совершенствования ее организационного воплощения во всех областях. ... Третий этап — социальная обстановка стабилизируется; происходит бурное развитие науки и техники, производства и торговли. Соответствует квадре перфекторов» [9].

Однако отмеченные выше недочеты не дают ответа на вопрос, почему созданная В. В. Гуленко на основе соционики теория столь сильно отличается в своих результатах от соционики Аушры Аугустинавичюте. Я внимательно перечитал работы В. В. Гуленко и обнаружил вот что:

«7. Обобщенный генетический закон чередования квадральных ценностей я рассматриваю как частный случай «глобального закона четырех фаз». Понятно на уровне здравого смысла, что любое явление структурно-хронологически может быть сведено к таким четырем фазам: зарождение — распространение — предельное напряжение — угасание. Давайте рассмотрим его примеры в истории, экономике, философии, природе, технике.

7.1. Начнем с истории этносов. В XIX веке Н. Данилевский создал теорию развития культурно-исторических типов Л. Гумилев в XX веке действует аналогично, раскладывая этногенетический цикл по силе и направленности пассионарного напряжения на четыре больших этапа. Идею четырехфазного круговорота событий находим в экономических циклах Н. Д. Кондратьева. В философии обращает на себя внимание знаменитая онтологическая триада неоплатониста Прокла (V в.), раскрывающая диалектику единственного и множественного: — 1) пребывание мира в единстве (альфа), — 2) эманация, т. е. выступление из своих пределов и порождение множественности (бета), — 3) обратный возврат в единство (дельта). Пропущена, как мы видим, соответствующая гамма — квадре фаза пребывания во множественности. На несколько веков позже этот же цикл, но уже более полным, четверичным способом описал основоположник средневекового реализма Эриугена (IX в.): движение Бога (идеального) к миру (материальному) и обратное возвращение к первоначальному состоянию имеет 4 фазы: — 1) природа творящая и несотворенная — Бог как первопричина всех вещей (альфа), — 2) природа сотворенная и творящая — Логос, божественный ум, непосредственная движущая сила мира (бета), — 3) природа сотворенная и нетворящая — мир множества конкретных предметов — Теофаний (гамма), — 4) природа несотворенная и нетворящая — возвращение к Богу, вечным ценностям (дельта).

7.4. Далее к закону четырех фаз относится большая серия природно-космических циклов. Например, сезонный цикл: зима — весна — лето — осень. Суточный цикл: ночь — утро — день — вечер. Фазы луны: новолуние — первая четверть — полнолуние — последняя четверть. Их объединяет то, что концентрация солнечной энергии сначала нарастает, а затем убывает. Можно с уверенностью прогнозировать, что в будущем будет открыто еще много других частных проявлений этого глобального закона».

Здесь возникают сразу два интересных момента:

1. Нет никаких оснований для того, чтобы заявлять, не то что о тождестве, а даже о подобии этих четвёрок и привязывать их к соционическим категориям. Ибо все вышеприведённые классификации описывают не столько явления реальные, сколько то, как эти явления структурирует тот или иной автор. Ибо нет в биологии чёткой границы между молодостью и старостью, нет в природе границы между зимой и весной, зато такая граница есть в календарях, так что же обобщают все эти классификации — реальные природные явления или их классификации?

2. Интересно, откуда же столько четвёрок, ведь наверняка это какой-то скрытый закон, возможно даже кватерность, про которую говорил К. Г. Юнг. Но мне кажется, дело обстоит гораздо проще — $2 \times 2 = 4$. Выходит, источник этих самых четвёрок — не в каком-то законе природы, а в том, что мы используем для мышления и описания бинарные оппозиции. Приведу целиком статью В. Руднева об этом:

«БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ — универсальное средство познания мира, которое особенно активно использовалось и, главное, было осознано как таковое в XX в. Двоичность восприятия окружающего мира обусловлена уже чисто физиологическими причинами, прежде всего тем, что мозг человека разделен на два полушария, выполняющих каждое свою функцию (см. функциональная асимметрия полушарий головного мозга), тем, что у нас два глаза, два уха, две ноздри, две руки и ноги. В XX в. тон в понимании важности и универсальности Б. о. задала фонология (см), построенная на дифференциальных признаках, которые суть не что иное, как Б. о.: глухость — звонкость, твердость — мягкость, гласные — согласные. После того как Н. С. Трубецкой построил фонологическую методологию, система бинарных дифференциальных признаков стала использоваться практически во всех сферах структурных гуманитарных исследований.

Было установлено, что в описании любой картины мира лежат Б. о., причем они носят универсальный характер: жизнь — смерть, счастье — несчастье, правый — левый, хорошее — дурное, близкое — далекое, прошлое — будущее, здесь — там.

Левая часть оппозиции считается всегда маркированной положительно, правая — отрицательно. В современной жизни мы также пользуемся Б. о.: можно — нельзя, положено — не положено, принято — не принято, истинно — ложно, да — нет, утверждение — отрицание, знание — неведение (см. также модальности). Важную роль при изучении механизма действия Б. о. играет понятие медиации, то есть посредничества между крайними членами оппозиции. Уже в фонологии есть понятие нейтрализации, когда (в русском языке) фонемы по признаку «звонкость — глухость» нейтрализуются на конце слова, звонкие оглушаются: труд, маг, код произносятся реально как трут, мак, кот. В модальных оппозициях вводится третий срединный член, который нейтрализует два противоположных. Если что-то запрещено, а что-то обязательно, то нечто и разрешено, то есть ни обязательно, ни запрещено. Если есть известное и неизвестное, то есть и полагемое — известное, но не наверняка. Роль Б. о., открытая в XX в., поистине не знает границ: они употребляются в диапазоне от стихотворного ритма, который построен на бинарном чередовании мельчайших единиц языка (ударный слог — безударный слог), до биологических ритмов дня и ночи, зимы и лета, а также культурных ритмов: идеалистическая культура — материалистическая культура. Отсюда исследователи подчеркнули важность такого фактора, как билингвизм в широком смысле этого слова. Мы не можем понять мир до конца, и эта невозможность понимания компенсируется бинарной дополнительностью точек зрения на мир. В этом суть культурологической концепции Ю. М. Лотмана, в этом же философская суть принципа дополнительности Н. Бора (см.) и соотношения неопределенностей В. Гейзенберга (см.)» [14].

Таким образом, чем бóльшая часть окружающего мира описывается в бинарных оппозициях, тем больше можно будет найти каких угодно параллелей с бинарными оппозициями или их комбинациями из других учений. В соционике же «при помощи бинарных оппозиций можно описать всё множество информации». Оставлю на размышление читателю этот более чем спорный, на мой взгляд, постулат соционики, добавив лишь, что это и есть основа существования соционики в том виде, в котором она теперь существует.

Можно предположить, что использование бинарных оппозиций в качестве базиса более чем поспособствовало популяризации соционики, особенно в обществе с преобладанием европейского образа мысли.

Использование пассионарности при типировании

Читая работы различных социоников, в частности В. Гуленко [5] или, например, С. Савченко [17], я наткнулся на одну очень интересную вещь — попытку привязать соционический «закон сменяемости квадрантов» к понятию *пассионарности*, введённому Л. Гумилёвым. Для людей, не знакомых с социологией, напомню, что в социологии нет законов, а есть лишь закономерности и тенденции. Но ведь надо кому-то быть первым. Обратимся к первоисточнику для того, чтобы понять, что же такое «пассионарность»:

«...начало этногенеза мы также можем гипотетически связать с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Процесс этногенеза связан со вполне определенным генетическим признаком. Здесь мы вводим в употребление новый параметр этнической истории — пассионарность. Пассионарность — это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями. ... Механизм связи между пассионарностью и поведением очень прост. Обычно у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно и создание новой религиозной системы или научной теории, и строительство пирамиды или Эйфелевой башни и т. п. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории» [12].

Прежде всего, хочу заметить, что пока не обнаружено генетическое подтверждение этой теории, а посему придётся иметь дело с косвенными доказательствами.

Как видно из первого абзаца цитаты, пассионарность можно интерпретировать с направлением некой энергии на деятельность вовне, т. е. либидо направлено наружу. Проще говоря, пассионарность по Гумилёву практически совпадает с экстраверсией по Юнгу. Следовательно, привязка этапов пассионарности к квадрантам не имеет под собой оснований и в очередной раз демонстрирует предвзятость и невнимательность исследователей, пользующихся «законом циклической сменяемости квадрантов».

Как видно из цитаты, пассионарность может проявляться множеством способов, большинство которых весьма слабо поддается формализации. Не говоря уж про введение единой классификации для разных типов обществ. Например, пассионарность римлян — это не пассионарность ранних христиан. Т. е., может пассионарность-то и одна, а вот проявляется она совершенно по-разному. Кроме того, непонятно, какие факты можно трактовать как проявления пассионарности, а какие нет. Тем более, что разные общества оставили после себя разное количество информации. Кроме того, подход Л. Гумилёва более чем европоцентричен, ибо, например, народы Полинезии создали экологическое общество и такой институт семьи — такой брак, который поддерживает оптимальную численность населения в данном биогеоценозе [14]. Но как оценить энергию, затраченную на это? Разве что вспомнив, что в европоцентрическом обществе с его наукой и государством подобных достижений в ближайшие годы не предвидится.

Из всего вышесказанного видно, что пассионарность есть величина субъективной оценки того или иного историка, выносимой тому или иному обществу. Если же вспомнить, что сам термин произошёл от слова *passion* («страсть»), то можно сказать, что:

Пассионарность — это степень возбуждения читателя исторических хроник определённого общества в определённый период.

De typologiæ

Хочу вкратце коснуться такого интересного явления, как деконструкция текста. Снова обращусь к В. Рудневу:

«ДЕКОНСТРУКЦИЯ — особая стратегия по отношению к тексту, включающая в себя одновременно и его «деструкцию», и его реконструкцию. Термин Д. предложил французский философ Жак Деррида (см. постструктурализм и постмодернизм) как перевод хайдеггеровского термина «деструкция». Термин Д. закрепился за Деррида и используется также рядом сходных исследований по философии, филологии и искусствознанию. Суть Д. состоит в том, что всякая интерпретация текста, допускающая идею внеположности исследователя по отношению к тексту, признаётся несостоятельной. Исследование ведётся в диалоге между исследователем и текстом (ср. диалогическое слово М. М. Бахтина). Представляется, что не только исследователь влияет на текст, но и текст влияет на исследователя. Исследователь и текст выступают как единая система, своеобразный интертекст, который пускается в особое путешествие по самому себе» [16].

И действительно! Является ли читатель соционического текста кем-то стоящим в стороне и созерцающим приключение идей? Вряд ли, ибо уже с первых строк сам читатель вовлекается в соционический мир [4], точнее, не только вовлекается, но и принимает самое деятельное участие в создании своего индивидуального соционического мифа, ибо без личного участия читателя вся соционическая терминология так и останется набором абстракций и частных случаев.

И основоположники соционики тоже в своё время были читателями, и так же, читая тексты предшественников, по-своему деконструировали их под свои задачи. Посмотрим, какие рамки ставили себе различные типологи и как эти рамки повлияли на их способность к чтению.

К. Г. Юнг ввел свою типологию как составляющую часть терапевтического процесса, причем не имеющую самостоятельного применения. А посему и его типология не охватывала все проявления психической деятельности. Юнгу этого просто не надо было, ибо он на практике видел всё людское многообразие. Поэтому все архетипические составляющие и остались у него за типологическими скобками. И действительно — типология Юнга напрочь лишена архетипичности. Также за скобками типологии остались и многие психологические понятия, например — воля [22] и эмоции [21]. Мало того, основным смыслом юнговской типологии было описание свойств эго при его взаимодействии как с бессознательным, так и со внешним миром, причём с внешним миром как набором аспектов, а не набором конкретных людей, обладающих типами. (Про взаимодействия между носителями различных установок у Юнга упоминается не так уж и часто, в основном — в сравнительном контексте.)

Теперь посмотрим, какие задачи ставила перед собой Аушра Аугустинавичюте и как они повлияли на её прочтение «Психологических типов» Юнга. Как пишет она сама, её интересовал вопрос: «Почему одни семьи счастливы, а другие нет?» [1]. Таким образом, исходя из поставленной задачи, выставляются совершенно другие рамки, и вместо рассмотрения взаимодействия человека с двумя мирами (бессознательное и объекты), ставится задача описания взаимодействий между людьми. С этой целью и вводится понятие информации как эквивалента элементарной единицы человеческой коммуникации и идея о метаболизме этой информации в человеке и влиянии её на коммуникацию между людьми. В то время как Юнгу не нужен был постулат о всеохватности типологии (типирование не было единственным инструментом в его арсенале), для Аугустинавичюте это стало естественной необходимостью. Поскольку, с одной стороны, потребовалось избежать весьма неудобного вопроса о границах применимости соционики (а ответ на этот вопрос оказывается весьма контекстно-зависимым, т. е. возвращается та неопределённость в описании отношений, от которой автор очень хотела уйти), а с другой стороны, даже если ввести чёткие границы, всё равно какая-

то часть отношений останется за скобками соционических формул. Следовательно — конкретный случай и детали контекста снова возобладают над теорией. В то время как Аугустинавичюте стремилась к обратному. Благодаря этому парадоксу, в соционике появилась архетипическая составляющая и типов, и их отношений [4, 20]. Мало того, из строгой и всеохватной модели для описания уникальных людей возникла «проблема типирования» — разные типировщики типируют одного и того же человека в разные типы. Ибо должна же была где-то проявиться индивидуальность человека, и если в рамках модели ей нет места, значит, остаётся только неопределённость, какой моделью наиболее точно описывается уникальный человек.

Здесь мы снова подходим к чтению и деконструкции, а именно: с одной стороны, типлируемый выдаёт некую сумму информации, а с другой стороны, типировщики воспринимают всё это как текст и соответствующим образом его читают и деконструируют. Вот и получается, что для одного типировщика слова типлируемого подобны явлениям природы, подлежащим измерениям, для другого — сновидениям, подлежащим истолкованию, а третий оказывается в целом детективном действе (типлируемый — как «жертва» (сравни с [4]), 16 подозреваемых, а все слова типлируемого — «улики», сообразно с которыми и совершается выбор между подозреваемыми). Типлируемый же читает два параллельных текста — с одной стороны, выдаваемые ему типировщиками результаты, а с другой, соционическую литературу, и в особенности описания типов, которые стилистически наиболее похожи на «рассказы о животных». Не иначе, выбирает себе «тотемного предка». А как типлируете вы?

По результатам общения с социониками различных школ и направлений у меня сложилось впечатление, что, несмотря на многие расхождения в конкретных вопросах, процесс чтения соционической литературы идёт весьма сходным образом. В результате прочтения получается, что само представление об информационном метаболизме оказывается лишней сущностью. Так до сих пор и непонятно, как же связана обработка информации с поведением.

Хорошей иллюстрацией к этому может послужить привязка аспекта ИМ ● к таким понятиям, как «воля» и «власть». Как известно, у истоков соционики стояли в основном представители ТИМов — ИЛЭ и ЛИИ. Аспект ● у них находится в блоке Суперэго, который как раз и отвечает за то, каким человек якобы должен быть. А для того, чтобы быть таким, надо проявить волю, ну и, конечно же, с властью [19]. Таким образом, личные представления основоположников привели к тому, что восприятие внешней статики тела стало проявляться в поведении как воля и властные проявления.

А посему можно сказать, что от всех аспектов остались лишь их символы, как символы, обозначающие некие множества и правила соотношения этих множеств. Сами же элементы множеств — набор неких поведенческих проявлений, т. е. того, что в отличие от информации, каждый может наблюдать. Однако по-своему. То есть от теории информационного метаболизма произошёл переход к выявлению структур текста, который читают соционики в процессе своих наблюдений.

Но вернёмся к соционическим авторам, конкретно — опять к В. В. Гуленко. Ведь он читал не только Юнга и Аугустинавичюте, но также различных социологов и социальных философов, от которых и перенёс в свою соционическую модель многое из социологии (к сожалению, упустив вопрос о совместимости методик, рассматривающих столь разные объекты — психику и общество). Таким образом, в основе теории В. Гуленко лежит уже взаимодействие человека с обществом, а посему отпала необходимость в двух важных составляющих соционики Аугустинавичюте — интертипных отношениях и информационном метаболизме. А посему и предпочтение было отдано не неким атомарным единицам коммуникации (аспектам), а дихотомиям, описывающим взаимодействие в общем. Интертипные отношения стали не нужны, ибо взаимодействие идёт с обществом в целом, и поэтому каждый человек, с которым случается взаимодействие, рассматривается как часть воздействия общества, то есть его характер уже описывается типом человека. С обществом как неким полем. Теперь я попробую прочесть, что же стоит за дихотомиями, используемыми В. Гуленко.

Ибо, как мне кажется, несмотря на соционические названия, содержание их весьма далеко от соционического, что отнюдь не способствует правильному прочтению и пониманию его работ. Приступим:

«Экстраверсия/интроверсия» у В. Гуленко ближе, скорее, к трактовке Айзенка, чем Юнга. Одноимённая юнговская дихотомия, судя по всему, наиболее близка к дихотомии Гуленко «правые/левые». Если я правильно понял В. В. Гуленко, «правые» больше ориентированы на общество, а «левые» — на себя. Если принять, что роль юнговского «объекта» у Гуленко играет «общество», получаем сходство этой дихотомии с юнговской установкой.

Следующая дихотомия — «восходящие/нисходящие». Если интерпретировать ее через Л. Гумилёва, приходим опять-таки к «экстраверсии-интроверсии», только на сей раз в плоскости деятельности.

Последняя дихотомия — «центральные/периферийные». Судя по работам В. Гуленко, эта дихотомия описывает востребованность того или иного человека в современном обществе.

Подведём итоги. Сделаем это на примере ТИМа ЭИЭ: экстраверт-восходящий-центральный-правый. Обратите внимание, что в этом ТИМе объединены все три разновидности экстраверсии. Плюс к тому, его деятельность реализуется в рамках, одобряемых обществом. Вполне логично и получается, что этот ТИМ оказался в теории В. Гуленко самым общественно востребованным. Вот только ТИМ ли это или уже нечто другое? Мне лично кажется, что в подобной типологии понятие типа ближе к понятию габитуса, введённому П. Бурдьё [3], чем к понятию ТИМа (как типа информационного метаболизма), введённому А. Аугустинавичюте [1].

Л и т е р а т у р а :

1. Аугустинавичюте А. Соционика. Введение. — СПб., Terra Fantastica, 1998.
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства. — Издательство Уральского ун-та, 2000.
3. Бурдьё П. Рынок символической продукции.
4. Бухвалов Д. Импринт и типирование. // Соционика, психология и межличностные отношения. — 2001. — № 10.
5. Гуленко В. В. Квадральные ценности. Психологические корни социального неравенства. // Соционика, ментология и психология личности. — 2000. — № 2.
6. Гуленко В. В. Коммуникативный закон стремления к центру: оцените свои шансы в деловой конкуренции — Киев, 25.04.1998.
7. Гуленко В. В. «Наставники» философствуют: Об особой судьбе этико-интуитивного экстраверта. — Киев, 26.12.1994.
8. Гуленко В. В. Облик русского реформатора. Социоанализ кризисных явлений в обществе // Соционика, ментология и психология личности. — 1999. — № 5.
9. Гуленко В. В. О развитии социума. — Киев, 26.12.1991.
10. Гуленко В. В. Общество как коммуникативная система: Четыре измерения социетального пространства. Реферат по социальной философии.
11. Гуленко В. В. Социетальный статус личности // Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — № 1.
12. Гумилёв Л. Н. От Руси до России.
13. Ефимов И. М. Метаполитика: наш выбор и история.
14. Леви-Стросс К. Раса и история // Путь масок. — М. «Respublika», 2000.
15. Романтизм // Большая советская энциклопедия.
16. Руднев В. Словарь культуры XX века.
17. Савченко С. В. Квадры, идеология квадр, время квадр.
18. Треугольник Карпмана // Берн Э. Сексуальные игры.
19. Фрейд З. Этот человек Моисей.
20. Шепетько Е. Архетипы соционики: <http://ru.laser.ru/authors/shepetko/achrtypes.htm>
21. Юнг К. Г. Тевистокские лекции. — М., «Рефл-бук Ваклер», 1998.
22. Юнг К. Г. Человек и его символы. — М. Аспект-пресс, 1996.

Статья поступила в редакцию 13.12.2003 г.